

1.1 Приближение к образу

Величавый, шумный Новгород... многолюдье толпы, гуляющей весенним воскресным днём... уличные музыканты, безделушки в кремле и на набережной, сияющая глава Софии с птичкой на кресте, мост Великий через величавую реку... взаимное проникновение загадочных, затаившихся, вне времени живущих существ с былинных двусторонний документименами: Волхов... Ильмень... Аллейка в обрамлении берёзовых шпалер переходит в Ильинскую улицу. Уже с моста можно различить вдали, прямо по центру аллеи – купол храма, словно бы непрременную цель всякого возможного движения здесь... хождения людей меж памятниками на дворе, полёта птиц меж облаков, глубокомысленной суеты насекомых, перемещения воздушных масс, течения времён, шествия светил на склоне небесном... ничто иное будто бы не определяет себя целью движения в окружающем пространстве. Удивительно, в который уж раз, приближаясь к этому храму, - вновь ощущать сердечный трепет первой встречи с ним. Движешься к сокровенному средоточию тайны, манящей и жаждущей, как впервые, - одарить тебя своим откровением. Подобные ощущения переживал у знаковых для себя мест моей России... у Покрова на Нерли - так же ёкало сердце, у Ферапонтовского храма... да мало ли таких.

Предощущение великого, приутоившегося открыться тебе – буквально будоражило по мере приближения встречи. Восхищают, умиляют, восторгают и не могут оставить спокойным совершенство, строгость и красота форм этого дива архитектуры, этого, не просто у-крашения городского исторического ландшафта, этого непрременной ценности – сокровища внешнего благолепия формы, призывающего взглянуть на себя изнутри. В который раз уже – будешь даваться диву, пре-даваться диву пребывания внутри этого архи-тектурного и живописного пространства, внутри этой иконы, о которой, казалось бы, всё всем желающим известно досконально, насколько вообще возможно известить себя самого всецело из-ученным памятником, о-сведомить себя знанием, прочитанным и усвоенным. В который раз будешь радовать себя новым узнавания образа лицом – к лику... понимая, что множество сотен страниц, исписанных по поводу живописного убранства этого храма не смогут, усиливаясь отчётливостью суждений, заменить, либо вос-полнить личного восприятия образа, не могут передать чего-то очень

существенного, самого замечательного в том, что про-износит нам эта живопись, совершенно не пользуясь словами.... что этот пространственный образ, раскрываясь перед нами, преподносит нам и влагает в наши сокровенные сердцевины. Столь малое живописанное пространство глаголет, образно и красно-речиво изъясняясь о столь великом и столь значимом, так ясно, явственно, высоко – про-износит нашему недоумению - свои неизменные смыслы. И возможно ли проследить за этим говором своею косной, внемлющей образу мыслью, своею нечувственной душой, своим вторящим образу словом. Слово в изъяснении – вторично, образ и его убедительная, уверительная, вразумляющая доходчивость - прежде и куда ярче наших вос-хищенных образом в-печатлений, из-мышлений, куда как полнее наших словес, толкущихся о нём.

Вот уже седьмое столетие торжествует над нами и среди нас – образ в Спасе на Ильине - в открытом или сокровенном, израненном, полуразрушенном, изувеченном и упрятанном, спасаемом человеками – виде. Почему так, отчего образ, едва ли известный последние 200 лет своего существования – вдруг открылся нам в момент предельного сокрушения нашей страны – Святой Руси, поругаемой и убиваемой, попираемой святости, в самое мгновение раздиранья риз Распинаемой, – раскрылся нам этот образ, - будто бы раскрыл себя во благовремении – приложением рук благодарных тружеников – реставраторов, новых перво-открывателей того, что не было известным никому из современников. Самый страшный, революционный излом в историческом бытии нашей Родины, ужас убиения, словно бы второго распятия Спасителя в Богоносном лоне Руси, внутри кровавой трагедии выкорчёвывания Церкви из Богоспасаемой пажити, из без-славных и без-образных сердец... связан с открытием образа и само(?) – откровением этой дивной живописи. Проникая в храм – сокрушенно - видишь, сколь малы оставшиеся нам фрагменты этой монументальной иконы – и съёживается душа желанием видеть большее и горечью не-восполнимой утраты, а вместе с тем – ощущением лично не во-образимой высоты, не вместимой высоты, широты и значимости того, что и в утратах понести в себе не просто, - не вынести этот открывшийся образ – в себе, для себя в своём разуме, в измельчавшей душе... а тем более не под силу – со-образовать с этим видимым образом личное своё духовное неразумие, душевную затхлую немощь. Вспоминаешь здесь о святом Павле Препростом, начавшем по научению святого Антония читать Псалтырь. Ну что Павел, как читаешь? – спрашивает Антоний у новоначального послушника через год. А вот и читаю, отче: «Блажен муж, иже не иде на совет нечестив, не сидит в собрании развратителей и не стоит на пути грешных...» «А что же дальше-то не читаешь, Павел», - спрашивает авва. «Не могу дальше, не вместить и прочитанного, - не стал ещё тем человеком, не идущим на нечестивый совет, не сидящим в собрании губителей, не ставшим на пути грешных...» - запросто так - отвечает Павел. И здесь, в храме на Ильинской улице, столь малая толика оставшейся живописи от пред-стоящего, видящего её – требовала бы, взыскующе, настойчиво, не-от-вратимо, – ждала бы прежде некоего уразумения – деятельного молитвенного со-участия, со-бытия. Соучастия не от-странённо - эстетического, морально – этического. Взыскивала бы не заинтересованности художественной, исторической, не философского либо Богословского о-сознания, вос-приятия, о-своения... но деятельного приникания всей человеческой сущности к тому, что открывается в образе. И требует взыскательно... и терпеливо, челококолюбиво, милостиво – ждёт обращения сынов Божьих... «Сыне, дай Мне своё сердце» - словно бы этот евангельский зов Христа расслышиваем здесь так внятно о-звученный образом. Вот так,

просто: дай сердце, в-ручи его перстам Господним и прими Его – всего. О понимании ли, о научном ли уразумении, о радости эстетической - вести речь перед образом Божиим, ждущим лишь молитвенного прикосновения наших уст, умягчения наших душ, рас-крытия наших сердец. Пред образом, к образу, образующему нас, воз – водящему в общее делание литургии... - вникаем в храм.

Сколь малы оставшиеся крупички живописи... Несколько целостна и непоручена безвозвратно и бережно восстановлена живописная ткань – лишь в куполе, в световом барабане и в северном молитвенном пространстве на хорах, которое исследователи склонны именовать «камерой» или Троицким приделом. Немного этимологии. Забегая далеко вперёд в рассуждениях, заметим уже теперь, что «камера» - слово германского корня, небольшая комната, от-гороженное, выгороженное от общего храма – малое пространство... камер-юнкер – юноша, служащий в малой комнате дворца... кунст-камера... камера - темница казённого дома, дома скорби... Возможно ли, пусть даже в научных целях, - назвать эту часть храма, пусть и на Торговой стороне почти что ганзейского града – «камерой». Это от-дельное молитвенное пространство, и мы попытаемся говорить о нём особенно, пытаюсь понять его назначение и то, как это назначение выражено, от-ображено, раскрыто нам в живописном храмовом у-бранстве. Уже теперь, - не распознаем ли в слове убранство корнесловного отзвука «брань», - духовная битва... И малой части любого из оставшихся нам фрагментов было бы довольно для длительных и пространных молитвенных размышлений, помышлений, созерцаний – раздумий, последствующих образу. Фрагменты живописи – вплетаются в целостные вязи взаимно – обусловленных, нераздельных сюжетов, при осмысливании их - обретают неисчислимыя аллюзии, аналогии, Бого-словские взаимосвязи. Да не увязнуть в них простым словесным раз-мышлением... А всё же – предадимся этим словесным последованиям из образа – прежде всего для самих себя, как бы расчищая личное понимание, вос-приятие высоты, раздвигая мглу собственного своего неведения под ясно проступающим над нами образом небесным... морок не-понимания, не-разумения, не-приятя явственно проникающего света духовного из-ображения.

Не оставляет ощущение несоответствия духовного простора, раскрывающегося в этой живописи и малой физической формы изображения. Огромна работа на минимальной площади, действительно суженной до пространства малой «камеры». По сути весь внутренний живописный объём храма – крохотное пространство, распахнутое образом до вселенских духовных масштабов... только по – видимому замкнуто это пространство и ограничено стенами. Здесь – словно бы сердцевина, вместившая в себя жизненные ритмы, жизненные соки и основные жизненные свойства огромного нерукотворного храма Божьего мироздания – от-ображённому храмом видимым «в бревнах», в камнях и красках, в храминах отдельных и образуемых и образованных человеческих тел. Здесь приоткрывается некий источник потаённой Жизни Вечной, бьющий – внутри архитектурного образа Божьего, внутри человеческой души. Малый, позабытый, затерянный, заросший родник, вливающийся в Жизнь огромную, без-граничную. Можем ли назвать пространство прозябания этого источника - «камерой», простор человеческой души – темницей... Ложное это именование связывается нынче преимущественно с неким заключением человека, исключаяющим его внутри места лишения личной свободы. Иное - внутри храмового пространства. Здесь свобода – распространяется изнутри человеческого

сердца, распаивается изнутри жизненного пространства, замкнутого в человеческом теле. Попробуем уловить этот мотив смысла храмового простора, как возведения к не ограниченному высвобождению человека от уз. Как это происходит в столь малом объёме стен, вместившем столь великое. Словно бы жизненные соки православия со-средо-точены здесь, истекают отсюда и пролагают собою отчётливо ориентированный посыл к восприятию их и по-следованию. Раскрывающиеся перед нами образы – впечатляют, запечатлевают, словно бы ясным и внятным раскалённым тавром всё наше существо, усваивая его Христу. И возможно ли далее – течь, жить свою жизнь по-прежнему, неся на себе эту запечатлённость, это впечатление, это глубоко личное во-ображение себя самого – раскрывшимся образом. Образ словно принимает в себя, усваивает нас себе и оставляет на нас и в нашей сокровенной глубине не изживаемую печать – след, внятно и вечно напоминающий о себе, принятый всеми чувствами, всем вниманием, физическим ощущением – внутреннее от-ображение, ориентир, живое, насущное, неотступное указание - нам. Попробуем раскрыть его для себя самих, распознать начертания смыслов, трогая и теребя на своей душе это жгучее, впечатлившее и запечатлевшее нас - тавро. Быть может, это указание не только к нашему личному уразумению и использованию. Образ, распространяет себя вовне – не только с каждым из людей, воспринявших на себя эту невидимую печать образа, впечатлённость им. Смеем помыслить, что и помимо людей распространяется действие образа – далеко за пределы Ильинской улицы, далеко за пределы Великого Новгорода, за пределы некоего ограничения временем. Образ - наполняет пространство право-славящее Христа, не только во Святой Руси. Живописный простор образа, созданный великим Феофаном из Греции – продолжателем апостольской миссии Андрея Первозванного, - воспринят и творчески развит, продолжен во времени и во вне – время в благодатных трудах преподобных последователей – изографов... - распространяется образная чистота православного исповедования, запечатлевается в новых нарождающихся образах к оживлению нас и наших потомков. Жив Господь – и образ – свидетельство этой Жизни, этой чистоты, этого биения духовных соков, истекающих жизнью – перед нами и, буквально, - на - наших глазах.

От марева слов, от не-бытия, от шума земли.
Над прорвой греха, над мирной гурьбой, над мерным движеньем
Остывших сердец... Иссохнувших душ пре-дерзко скольжение, -
Куда-то они вразброд, впопыхах себя понесли.
Унылы стада, - их резать ли, стричь... Ты воз-весели,
Хоть сказкой – прельсти беспмятство сна, прикрой униженья.
Вот здесь, на стенах, - собор, точно свет на Пре-ображенье.
Как дивно персты, вознесшие кисть, горе возросли.

Шевелится торг воскресной толпой, волнуется Волхов.
О чём-то поёт сказитель Садко две тысячи лет.
Детишки снуют... мужают и вдруг – ветшают нежданно,
Что цвет полевой, дыханьем - насквозь... ни смысла ни толка...
Но: образ – простёрт - над нами - парит, над нами – воздет
Во славу Творцу, явлен, оживлён отцом Феофаном.